

В субботнее утро над гоночным треком стояло чистое, сияющее солнце. Когда Шэнь Цзя поднялся в зону отдыха для пилотов, Чжоу Цзяи уже всю висел на шее Чжоу Цзыфэя, канюча сладости.

— Цзяи, а ну живо слезь! Вот придёт учитель Шэнь, я ему всё расскажу — он-то тебя быстро призовёт к порядку!

Тщательно уложенная с самого утра причёска Цзыфэя превратилась в воронье гнездо. В душе молодой человек горел желанием всыпать племяннику как следует, но связывал его лишь страх, что сорванец тут же побежит жаловаться Шэнь Цзя.

Шэнь Цзя замер в дверях. Поймав полный отчаяния и мольбы взгляд Цзыфэя, он с трудом подавил смешок, сухо кашлянул и напустил на себя строгий вид:

— И-и, ты чего к дяде пристал?

Малыш мгновенно застыл. Щекастые скулы вздрогнули, но радость от вида любимого учителя моментально взяла верх: соскользнув с Цзыфэя, он устремился прямо к ногам Шэнь Цзя.

— Учитель Шэнь! Я так соскучился!

Шэнь Цзя подхватил мальчика на руки и любяще щелкнул по кончику носа:

— Я тоже по тебе соскучился, И-и.

— Эй, Цзяи, вы же только в пятницу виделись! Суток не прошло, а ты уже соскучился? — вмешался Цзыфэй.

Ему и самому до смерти хотелось обнять Шэнь Цзя и признаться, как он скучал, да только о таком роскошном приёме, какой достался племяннику, оставалось лишь мечтать. Пришлось отыгрываться на малыше.

— Дядя, ты ничего не понимаешь! Я очень-очень люблю учителя Шэнь, поэтому, стоит нам расстаться хотя бы на миг, я сразу начинаю скучать! — звонко выпалил Цзяи и с чувством чмокнул Шэнь Цзя в щёку.

От такой искренней и нерастраченной детской любви сердце Шэнь Цзя растаяло. Глаза его радостно прищурились, превратившись в полумесяцы. Он прикоснулся губами к лбу малыша, показывая, что тоже ответит ему всей душой.

Цзыфэй окончательно признал своё поражение в битве с пятилетним соперником. Глядя, как эти двое обнимаются и наперебой признаются друг другу в любви, он ощутил, как зубы сводит

от зависти.

— Нашёл эксперта! Будто сам в свои пять лет много понимаешь в любви!

Цзыфэй запустил пальцы ребёнку под мышки и принялся щекотать. Цзяи заверещал и стал извиваться в руках Шэнь Цзя, точно упрямый поросенок.

Шумную возню прервал лишь появившийся сотрудник трассы, напомнивший, что заезды вот-вот начнутся.

— Учитель Шэнь, на трибунах сегодня гуляет сильный ветер. Оставайтесь лучше с Цзяи в нашей VIP-ложе, отсюда отличный обзор. А как всё закончится, я прокачу вас на настоящем болиде, — наказал Цзыфэй, сбрасывая куртку и готовясь переодеться в комбинезон.

— Но... я же совершенно не умею водить такие машины...

— Не переживайте! Гоночные авто там специальные, для гостей, так что это скорее аттракцион. В удовольствие.

Шэнь Цзя всё ещё сомневался, хотя в глубине души зажглось любопытство.

Когда кошмар с Шэнь Цяньлуном наконец остался позади, жажда жизни в нём постепенно начинала отогреваться. Пусть этот огонёк пока оставался крошечным, он шаг за шагом озарял тот беспросветно серый мир, в котором Шэнь Цзя существовал прежде.

— Будем считать, что учитель Шэнь согласен! — с улыбкой подытожил Цзыфэй и переключился на племянника, который всю канючил: «Я тоже хочу! Возьмите меня!».

— Так, Цзяи, без глупостей. Маленьким туда нельзя — у тебя же ручки-ножки отвалятся, стоит только в кресло сесть.

Цзыфэй слегка сжал ручонку малыша, и тот, перепугавшись, с головой уткнулся в грудь Шэнь Цзя, мгновенно позабыв про свои требования.

— Ну, учитель Шэнь, я пошёл?

— Угу...

Едва Цзыфэй взялся за ручку двери, Шэнь Цзя тихо окликнул его.

Пилот обернулся. Шэнь Цзя стоял под мягким светом ламп: тёмные волосы спадали на плечи,

на бледных щеках играл едва заметный румянец, а взгляд лучился нежностью. С прижатым к груди малышом он казался заботливой женой, провожающей мужа перед важным делом.

— Цзыфэй... Удачи на гонке.

После того памятного признания Шэнь Цзя избегал обращаться к нему по имени, но сейчас эти слова сорвались с губ сами собой.

Он слишком хорошо помнил того страстного, подтянутого юношу на треке — воплощение той яркой жизни, которой у самого Шэнь Цзя никогда не было, но о которой он втайне грезил. И Шэнь Цзя всем сердцем хотел, чтобы этот Чжоу Цзыфэй продолжал блистать на трассе.

Цзыфэй молча замер, не сводя с него глаз. Он искренне не понимал, как человеку удаётся так беззастенчиво властвовать над его сердцем. Каждое слово, каждая черточка на этом лице заставляли грудь трепетать от нежности.

— Учитель Шэнь, пока вы рядом, я непобедим.

Шэнь Цзя не успел даже осознать сказанное, как очутился в крепких объятиях. Зажатый между ними Цзяи лишь тягостно ойкнул.

Цзыфэй слегка сжал плечо Шэнь Цзя тёплой ладонью и тут же отстранился. Одарив его ослепительной, открытой улыбкой, он стремительно вышел за дверь.

— Мы видим, что болид под номером девять под управлением Чжоу Цзыфэя ушёл в отрыв уже на полкруга! Сегодня он демонстрирует просто невероятный темп!

— Совершенно верно. Начиная с прошлого сезона Чжоу Цзыфэй показывает изумительную стабильность — будь то квалификации или финальные заезды, его результаты поражают!

Голоса комментаторов из динамиков гремели, подбираясь к финалу. Шэнь Цзя, не отрываясь, гипнотизировал экран, сжав пальцы в замок перед грудью и нервно закусив губу. А Цзяи уже не мог усидеть на месте — он прыгал вокруг, скандируя: «Дядя, давай! Дядя, вперёд!».

Спустя мгновение знакомый болид в гордом одиночестве пересек финишную черту. На центральном табло стадиона имя Чжоу Цзыфэя засияло на первой строчке. Диктор разразился бурей поздравлений.

— Выиграл!

— Дядя победил!

Шэнь Цзя опустился на колени и звонко хлопнул Цзяи по ладошке. Они обнялись, восторженно разглядывая табло. Глаза Шэнь Цзя сияли, а на щеках горел румянец ликования.

Чжоу Цзыфэй отстрелялся с послегоночным интервью в рекордные сроки. Не прошло и двадцати минут, как дверь комнаты отдыха распахнулась.

— Пойдёмте, учитель Шэнь! Пора оттянуться!

В руке он держал шлем, а ярко-красные волосы от пота прилипли к лбу. Но его взгляд, устремлённый на Шэнь Цзя, горел таким чистым, нескрываемым чувством, что у Шэнь Цзя почти перехватило дыхание.

Малыша Цзяи поручили заботам проверенного ассистента, и они вдвоем отправились в любительский автоклуб неподалеку от основного трека.

Шэнь Цзя полагал, что едва перешагнувшие двадцатилетний рубеж парни стремятся выглядеть перед теми, кто им нравится, всемогущими, и ждал, что Цзыфэй сам сядет за руль в роли наставника. К его удивлению, Цзыфэй поступил крайне осмотрительно: пригласил профессионального инструктора для инструктажа и абсолютно искренне признался:

— Я боюсь, что упущу детали. Всё-таки я никогда никого не учил с нуля и могу что-то не так объяснить. К тому же, не дай бог, вы ещё травмируетесь на трассе... Так что лучше довериться опытному тренеру.

Сначала инструктор прокатил их несколько кругов для знакомства с конфигурацией трассы, а затем подробно разъяснил Шэнь Цзя порядок действий: зажигание, переключение передач, работа с педалями. Постепенно, пробуя на ходу, Шэнь Цзя начал улавливать суть процесса.

Поначалу Цзыфэй тревожился и оставался на пассажирском сиденье. Но быстро заметил: его присутствие лишь смущает Шэнь Цзя. Тот зажимался, словно маленький зверёк, в чьей норе очутился чужак, деревянными руками держал руль, а педаль газа казалась ему усыпанной гвоздями — он боялся надавить её по-настоящему.

Поняв, что машина с ним на борту плетется медленнее пешехода, Цзыфэй со вздохом выбрался из салона.

Оставшись без присмотра профессионального гонщика, Шэнь Цзя наконец расслабился. Сначала он робко набрал скорость, а затем выжал газ в пол. Мощный толчок в спину, с которым болид рванул вперёд, заставил его сердце радостно замереть.

Впереди — ни единой преграды. Только ускорение, ускорение и ещё раз ускорение!

На виражах резкие заносы кормы вызывали лёгкое головокружение — словно шаг в иную реальность.

По лбу и вискам Шэнь Цзя струился пот, но он этого даже не замечал.

Казалось, вся тяжесть, все невзгоды и печали с ревом улетали прочь вместе с оставляемым за кормой асфальтом. Круг за кругом — и во всем теле появлялась невесомость. Шэнь Цзя никогда в жизни не чувствовал себя столь свободным и обновлённым.

Из этого упоительного транса его вывела лишь ломота в затекших руках да раздавшийся из динамика связи голос:

— Учитель Шэнь, вы за рулём уже довольно долго. Пора сделать перерыв, иначе завтра все мышцы сводить будет.

Шэнь Цзя плавно сбросил скорость и затормозил в конце пит-лейна.

— Ну как, понравилось, учитель Шэнь? — Цзыфэй с улыбкой подал ему руку из-за открытой двери.

Шэнь Цзя без колебаний вложил свою ладонь в его горячую руку. Однако, попытавшись шагнуть на асфальт, он с изумлением обнаружил, что ноги и руки мелко дрожат, так что выбраться из низкого кокпита без помощи Цзыфэя он просто не смог бы.

— Уф-ф...

Шэнь Цзя снял шлем и с жадностью глотнул свежего воздуха.

— Это потрясающе! Даже не думал, что вождение требует столько сил.

— А то! Вот почему я постоянно тренируюсь. Так что даже если у учителя Шэнь совсем не останется сил, я всегда смогу удержать вас на ногах.

Цзыфэй лукаво вскинул бровь. В его взгляде мелькнула озорная, чуть дерзкая искорка.

Шэнь Цзя сперва не понял подвоха, но, осмыслив сказанное, уловил двусмысленный намек. На щеках, и без того пылавших от жары, вспыхнул густой румянец — он стал похож на спелый, налитый соком плод.

Они неторопливо переговаривались. Откуда-то Цзыфэй раздобыл две баночки холодной колы, и теперь они стояли, прислонившись к борту припаркованного гоночного авто, потягивая газировку и отдыхая.

— Бывают же моменты... — невольно вздохнул Шэнь Цзя. — Похоже, моя прежняя жизнь была слишком убогой. Я и понятия не имел, сколько в мире всего интересного.

Его глаза лучились ясным светом, влажные волосы прилипли к вискам, а всё существо излучало такую сильную, бурлящую жизненную энергию, которой не было и в помине ещё пару месяцев назад.

— А какой была ваша жизнь раньше, учитель Шэнь?

— Раньше? Встать пораньше, приготовить завтрак на двоих, уйти на работу в детский сад. После работы — в супермаркет за продуктами, скорее домой, чтобы успеть состряпать ужин. А вечером... да ничего особо. Лежал на кровати: либо читал, либо просто смотрел в потолок.

— А по выходным?

Цзыфэй украдкой взглянул на него. Он заметил, что, вспоминая о днях перед разводом, Шэнь Цзя говорил совершенно спокойно. В его голосе не было ни горечи, ни скрытой боли — словно он пересказывал эпизоды из жизни абсолютно чужого человека.

— По выходным делал генеральную уборку. Потом готовил обед и ужин и отвозил в офис к бывшему мужу, оставлял на ресепшене. Иногда он спускался перекинуться парой слов, но чаще просто присылал сообщение: «Получил».

Шэнь Цзя слегка качнул баночку колы. Говоря сейчас о временах, проведённых с Юй Сянханом, он вдруг осознал, что все его воспоминания сводятся к банальной, пресной рутине трёх разовых трапез.

Пылкие юношеские годы подёрнулись дымкой, а редкие сладкие мгновения после брака мысленно пережёвывались столько раз, что окончательно утратили свой вкус.

Шэнь Цзя внезапно поймал себя на мысли: а когда он в последний раз вспоминал Юй Сянхана с любовью и грустью?

Он с изумлением обнаружил, что не помнит этого. Память о том, как он полюбил Юй Сянхана, стала туманной. Память о том, как разлюбил, — столь же размытой.

Любил ли он вообще этого человека по-настоящему?

Этот вопрос неожиданно всплыл в его сознании.

Заметив, что Шэнь Цзя погрузился в свои мысли, Цзыфэй мягко перебил его, поинтересовавшись, какое у того коронное блюдо. Внимание Шэнь Цзя тут же переключилось.

От любимых рецептов разговор перешёл к нелюбимым продуктам, затем к фруктам, а под конец и вовсе вильнул в дебри теории эволюции: если люди произошли от рыб, то не является ли поедание рыбы своего рода поеданием собственных предков?

— В общем, иногда думаешь, до чего же огромен этот мир, — с улыбкой подвёл итог Шэнь Цзя, отказываясь дальше развивать тему предков-рыб. — Вокруг столько вещей, о которых я даже не слышал и которых не пробовал. Одно осознание этого заставляет думать, что жизнь — чертовски увлекательная штука.

Он закинул голову, уставившись в бескрайнее небо.

Цзыфэй молча любовался его профилем.

Трепещущие на ветру пряди, длинные пушистые ресницы, мягкий разрез глаз, точёная спинка носа, чуть приподнятые алые губы...

Шэнь Цзя едва ли подозревал, что в эти минуты, тихо взирая на небесную синь, он выглядел совсем как юный мальчик, ещё не познавший грязи этого мира — чистый, трогательный и бесконечно нежный.

Сердце Цзыфэя сжалось от трепета. Он сделал шаг ближе, и его рука, покоившаяся на капоте, незаметно подвинулась ближе к ладони Шэнь Цзя.

— Учитель Шэнь, в мире действительно полно вещей, которых вы ещё не пробовали, — тихо и бархатисто проговорил он. — Но я готов пройти через всё это вместе с вами.

Он сделал паузу и посмотрел ему прямо в глаза:

— Поэтому я хочу спросить... дадите ли вы мне одно право?

Они стояли на мягкой траве у самого края гоночной трассы, прислонившись к дверце спортивного авто, с баночками колы в руках.

В этой донельзя будничной обстановке, где мгновение назад они болтали о всякой ерунде, Чжоу Цзыфэй вдруг стал предельно серьёзен.

Шэнь Цзя в изумлении повернул голову. Цзыфэй лишь тепло и искренне улыбался ему в ответ.

Его чувство к Шэнь Цзя вспыхивало с новой силой именно в такие неприметные, крошечные мгновения.

При всей своей пылкости и неспособности скрывать эмоции, когда дело касалось Шэнь Цзя — человека, к которому требовалось относиться с трепетом и почтением, — он искал идеальный момент, чтобы подступить ближе.

И сейчас, когда рядом с ним стоял этот счастливый, расслабленный и сияющий Шэнь Цзя, Цзыфэй понял: пора.

Пора трубить сигнал к атаке на пути к его любви.

— Какое право?

— Право ухаживать за вами.

Шэнь Цзя застыл как вкопанный. Его глаза округлились, он замер, не в силах даже моргнуть.

Но Цзыфэю показалось, что сказанного недостаточно. Он подался ещё немного вперёд и проговорил с глубокой искренностью:

— Учитель Шэнь... позвольте мне завоевать ваше сердце.

<http://bllate.org/book/19971/1985881>